

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

М. В. ЩЕПКИНА

Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“

(К вопросу об исправлении текста памятника)

Прежде чем пытаться восстановить то или иное место текста в „Слове о полку Игореве“, надо представить себе самую рукопись поэмы. Сведений о ней дошло немного, и все они очень общего характера. Нам придется вкратце вспомнить все, что было сказано о ней людьми, ее видевшими. •

Начнем с высказываний ее владельца гр. А. И. Мусина-Пушкина: „Песнь Игорева писана на лощенной бумаге в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или началу XV века“. Песнь „в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла“. По указанию одного из издателей рукописи, А. Ф. Малиновского, она была писана полууставом, переходящим в скоропись.¹

В предисловии к первому изданию „Слова“ сказано, что долголетний сотрудник Публичной библиотеки, работавший над изданием русских летописей, А. И. Ермолаев, видевший рукопись „Слова“, считал, что она написана полууставом XV века. По мнению Н. М. Карамзина, рукопись писана „разве в конце XV столетия“. Первый издатель „Слова“ С. Н. Селивановский заявлял, что оно написано „белорусским письмом не так древним похожим на почерк Дмитрия Ростовского“.

Все это высказано уже после гибели рукописи, по памяти.

Из ученых, не видавших рукопись, Ф. И. Буслаев относил ее к XV—XVI веку, Н. С. Тихонравов — к XVI веку.

Итак, это был сборник, заключающий летопись и ряд древнерусских повестей, на лощенной бумаге листового размера, писанный полууставом, без разделения на слова, с выносными буквами (что обычно в полууставе).

В дальнейшем изучение текста велось по первому изданию 1800 года, Мусина-Пушкина, и по копии XVIII века, так называемой Архивской,

¹ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения о жизни гр. А. И. Мусина-Пушкина. Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II, 1824, стр. 35—41.

которая была изготовлена для Екатерины II. На основании разногласий, а также очевидных ошибок обоих переписчиков мусин-пушкинского и Архивского списков И. И. Козловским высказано было предположение, что начертания букв *a* и *o* местами мало отличались друг от друга, что позволяло их путать; что буква *ю* имела, повидимому, особое начертание: перекладина ее шла прямо от верхушки мачты и переходила в кружок *o*, а это давало возможность прочесть такое *ю* как слог *го*; такое прочтение вообще возможно, если перекладина буквы *ю* поставлена высоко. На основании разночтений двух списков „Слова о полку Игореве“ Тихонравов полагал, что в рукописи наблюдалось сходство в написаниях букв *ъ*, *ь* и *ѣ*. Установлено, что в рукописи встречалось так называемое „очное“ *o*, т. е. двойное *o*, в слове „очима“. Имелась также лигатура *tr*, в одном случае прочитанная издателями как буква *з*. Памятнику свойственны были случаи гаплографии, т. е. пропуск одного из двух рядом стоявших одинаковых написаний. Полагают, что так получилось чтение „стрезаше е гоголемь“, вместо первоначального „стрезаше его гоголемь“.¹

Вот в основном все данные, которые по памяти указаны очевидцами рукописи или предположительно высказаны учеными, не издавшими ее. Из показаний очевидцев, конечно, надо отбросить предположение Мусина-Пушкина и Малиновского о том, что рукопись восходит к концу XIV или началу XV века, тем более, что позднее Малиновский высказывается за XVI век. Русские рукописи конца XIV века на бумаге еще редки, притом и орфография мусин-пушкинского сборника свидетельствует о более позднем времени.

Всего важнее для нас определение Ермолаева и Карамзина как специалистов, относивших рукопись к XV веку. Разберем более или менее точно установленные палеографические приметы памятника.

Лощеная бумага употребляется как в XV, так и в первой половине XVI века, но не в XVII и не в XVIII веках.²

Полуустав, переходящий в скоропись, характерен для деловых рукописей XV и XVI веков. Недостаточно четкое начертание букв *a* и *o* говорит о спешности почерка, а может быть и о том, что полуустав рукописи был некрупный. В подобном почерке возможны также ошибки в чтении букв *ъ* и *ѣ*, после того как в XV веке утвердилось новое, менее четкое начертание буквы *ѣ* с невысокой мачтой и со спущенным левым крылом коромысла. Однако эти два знака даже в скорописи XVI века нельзя смешать со знаком *ь*. Наличие лигатуры *tr* и двойное *o* характерны для русских рукописей, начиная со второй четверти XV века и до середины XVI века; они были временным явлением, занесенным балканскими славянами в конце XIV—начале XV века.³

Орфография, наряду с остатками древнего правописания оригинала, свидетельствует также о юго-славянском архаизирующем письме (ср. постановку *ъ* и *ь* после плавных: „валькомь“, „пльки“, „брьзый“ и т. п.). Подобное правописание также говорит о XV—первой половине XVI века.

¹ Подробный анализ см. в статье И. И. Козловского „Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве“ (Древности, Труды Московского археологического общества, т. XIII, вып. 2, М., 1890).

² В молдавских, сербских и болгарских рукописях и позднее, вплоть до XVIII века.

³ Эти вычурные написания еще живут в каллиграфических почерках рукописей Грозного, а у писцов Чудова монастыря, например, задерживаются до конца XVI века.

Странно на первый взгляд заявление Селивановского, что рукопись писана „белорусским письмом... похожим на почерк Дмитрия Ростовского“. Из этих слов не вполне ясно, с чем он сравнивает — с автографом Дмитрия Ростовского? Но его рука, несмотря на южнорусские

рука: 34. в: шрифто: Шало пашома вси дѣлающіи;
всѣ законѣ, изреченіи свѣта и многого статки.

рука: 36. еще мало, и не видѣе зубчика, и
взиреши лѣвѣта его, и не обрадуеши.

изъ жена лотва обратила лице свое
къ солотѣ, еще стала сонна".

187

Почерк Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 62.

особенности, ближе к письму нашего времени, чем к письму XIV—XVI веков. Или с почерком рукописей Дмитрия Ростовского? Но основная часть их писана не им самим, а переписана начисто писцами.¹ Их

¹ Автографов Дмитрия Ростовского сохранилось немного, если не считать приписок и исправлений. Черновики его сочинений положены, согласно его завещанию, с ним в гроб. Дошедшие до нас рукописи его трудов писаны рукою писцов; имя одного из них известно — певчий Савва Яковлев. См.: И. А. Шляпкии. Св. Дмитрий Ростовский. СПб., 1891, стр. IX и 456.

почерки определенно носят юго-западный характер; об этом говорит не только их внешний вид, но и особое начертание отдельных букв, как, например, *б*, *в*, *ж* и др. В таком случае можно было ожидать, что Мусин-Пушкин и Малиновский отметят подобные начертания, ибо они должны были затруднять чтение; а главное надо полагать, что ни Ермолаев, ни Карамзин не пропустили бы этого обстоятельства. Возможно, заявление Селивановского надо рассматривать как беглое и неверно осмысленное впечатление человека без специальных знаний. Но несомненно, в рукописи должны были иметься какие-то особенности, которые вызвали у Селивановского это ложное представление. Всего вероятнее предположить, что наравне с орфографией рукописи и графика ее носила особые черты, заимствованные в конце XIV—начале XV века из болгарских и сербских рукописей и в большинстве склынувшие позднее, к середине XVI века. Мы указали уже некоторые из них: красивую лигатуру *тр*, благодаря которой слово „Трояни“ было прочитано в первом издании как „Зояни“, „очное“ *о* в слове „очима“.

Но кроме отдельных характерных начертаний, мы находим в русских рукописях XV века особые полууставные почерки — типа четкой, иногда круглящейся скорописи с лигатурами и вычурами. Возможно, что подобное письмо, говорившее Ермолаеву и Карамзину лишь о XV веке, Селивановскому показалось белорусским письмом конца XVII века.

Итак, уже на основании вышеприведенного можно возводить мусин-пушкинскую рукопись к концу XV—началу XVI века.¹ Во всяком случае можно думать, что рукопись, ввиду своего состава (летопись и повести), была написана деловым, а потому беглым, или спешным, полууставом, некрупным, с достаточным количеством сокращений и выносных букв.² Можно предпологать также, что к XVIII веку она успела несколько обветшать, т. е. ряд начертаний, особенно выносные буквы (написанные более мелко), успел если не стереться, то побледнеть, а потому мог быть пропущен при списывании. Имелись, конечно, и в самой рукописи ошибки и утраты, накопившиеся с XII по XV век.

Для первых издателей поэмы основные затруднения заключались в разделении слитно написанного текста на отдельные слова и в раскрытии сокращений, принятых в древнерусской письменности. Такое сокращение или отмечается над строкой титлом, или имеет, кроме того, под титлом одну из пропущенных согласных.

В XV веке определенные буквы уже могут выноситься без титла. В XVI веке к ним присоединяется ряд новых букв. Короткие слова религиозного значения, постоянно встречающиеся и потому всем понятные, продолжают писаться под титлом, без выносных букв. Когда в рукописях XV—XVI веков еще сохраняется титло над выносной буквой, то оно уже не вырисовывается как ранее, а часто имеет вид очень легкой дужки или просто наклонной черточки. Выносные буквы, как правило, более мелкого размера, чем строчные; а выносная буква с принимает вид точки, стоящей под легкой „бровкой“ (дугой титла).

¹ „Пятнадцатый век не может быть отличен от первой половины 16-го по количеству югославянских графических особенностей. Обеим эпохам свойственны... декоративные лигатуры и прочие вычуры“ (В. Н. Щепкина. Учебник палеографии. М., 1920, стр. 121—122).

² В первом издании всюду проставлен конечный *ѣ*, тогда как он отсутствовал в рукописи в тех случаях, где конечная согласная была выносной.

Как известно, в тех случаях, когда конечная гласная одного слова стоит рядом с начальной гласной другого, и вообще при наличии двух рядом стоящих гласных, каждая из них отмечается надстрочным значком (на второй гласной иногда ставятся два значка). Значки эти имеют

Кордо насв Кѣшѣ свои: Се рѣши
еси ѿлолатиѣ вѣсто зрѣво стѣ
Поканиѣ, кѣтома несоудшии, да
несорѣ ти что ѿдѣствѣ.

Сѣ Гѣи, таи самѣ задалѣ
то ѣре велиши, и сохрани
насв ѿлѣтѣхѣ зѣво-
паденіи вѣвса дни
живота нашего,

АМИНЪ.

НЗ: Да не горѣ ти зѣво зѣво.

зѣво горѣ?

1. ѿнадѣствѣ зѣвопа.

НЗ 2. ѿглатиѣ.

ѿглатиѣ писавдма кагоѣ.

Почерк писца Дмитрия Ростовского и собственноручная приписка Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 61 об.

вид легких наклонных черточек, вроде запятой.¹ При наличии таких надстрочных значков стоящее рядом выносное с под титлом легко может быть принято за подобный значок, особенно если точка, обозначающая с, с течением времени выцветет или сотрется. Таким путем в дальнейшем могут возникать невразумительные написания. Ср. пред-

¹ Е. Карский. Палеография. М.—Л., 1926, стр. 228.

полагаемое „и[с]ходы“, где начальная гласная и стояла, может быть, рядом с конечной гласной предшествующего слова „Боя[н]“ и, кроме того, имелось выносное с под титлом. Мы знаем, что одно и то же слово обычно сокращается одним и тем же способом. Это постоянство приемов облегчает узнавание слова. Мы уже упоминали о словах, в которых сокращения обозначаются одним титлом; в других под титлом имеется выносная (согласная), чтобы облегчить чтение. Ср.: сп[с]ние = спасение, ср[д]це = сердце, кр[с]тъ = крест, ч[с]ть = честь. Поэтому чтение первого издания (стр. 34) „поклониша“ вместо предполагаемого „по[д]клониша“ можно объяснять или старой утратой выносного д, или пропуском его при копировании в XVIII веке. Применяются и другие приемы: сокращается конец слова, при этом выносятся под титлом или без него конечная согласная. Например: ре[ч] = рече, ко[д] = конец, не[д] = неделя, су[б] = суббота, ве[ч] = вечер, я[к] = яко, е[с] = есть, бы[с] = бысть.¹ Ср. „пьяк“ Архивской копии и „пья[т]къ“ первого издания. Согласно обычному написанию, в рукописи должно было стоять „пья[т]к“ с выносным „т“. Как полагает И. И. Козловский, так было сокращено в рукописи слово „пѣснь“ — „пѣ[с]“, раскрытое издателями как „пѣсь“. Надо думать, „Пѣсньск“ первого издания и „Пѣньск“ Архивской копии, повидимому, передают написание рукописи „Пѣ[с]ньск“ с выносным с.

Конечные выносы могли применяться в любом слове: понизи[т], вонзи[т]; у Ри[м] = у Риме, или у Римове(?). Сперва такие сокращения допускались обычно в конце строки; с течением времени, когда количество выносов возросло, подобные написания стали применяться и в середине строки.²

Надо также иметь в виду, что в одном слове могут быть отмечены и два сокращения; такой прием применен в следующих словах поэмы: 1) „пѣ[с]творь[д]“, которое в первом издании раскрыто неполностью как „пѣсворца“ вместо „пѣснотворца“, и 2) „Стъслав[л]“, раскрытое как „Святъславля“. Падежное окончание слова устанавливается здесь в зависимости от контекста. Первое слово можно понять и как „пѣснотворец“ и как „пѣснотворца“, второе — как „Святославль“ и как „Святославля“, „Святославлю“ и т. д. Следовательно, здесь неверное раскрытие сокращения могло повлечь за собой ошибочное понимание текста. Кроме того, надо иметь в виду, что писец строку рассматривал как нечто целое и при сокращении не считался с отдельными словами. Поэтому при стечении двух или трех согласных он выносил одну из них независимо от того, где она приходилась — в конце, в середине или в начале слова. В силу этого возможны были сокращения такого типа: „Новгоро[д]цы и [п]сковичи“. ³ Может быть, подобное сокращение имелось в словах поэмы: „стругы [п]ростре на кусту“. Выносная буква л могла или утратиться, или просто быть пропущена при списывании.⁴ И, наконец, имеются сокращения особого типа, когда слово заменяется одной, но „равнозначней“ буквой. Они, правда, редки как в уставе, так и в полууставе и допускались лишь для немногих слов. Один случай довольно известен — это замена слова „земля“ буквой з, которая поставлена

¹ „Так сокращались часто встречающиеся «обиходные» слова бытового и служебного характера“ (В. Н. Цепкин. Учебник палеографии, стр. 123).

² И. И. Козловский указал, что ряд различий Архивского и мусин-пушкинского списков объясняется тем, что они по-разному раскрывают конечные выносы.

³ Увар., № 1366, л. 54; рукопись первой половины XVI века.

⁴ Лигатура ы+л+р, которую предлагает здесь И. И. Козловский, слишком необычна.

между двух точек и под титлом (по образцу цифры). Такое сокращение было понятно, так как буква *з* в азбуке носила название „земля“. Это сокращение мы встречаем и в конце XIV века, и в XV—XVI веках.

Вместе с тем особенности говора писца, отражаясь в тексте, также могли повлечь за собой изменение смысла. Написания „дѣвица“ вместо „дѣвица“ или „шизый“ вместо „сизый“, согласно новгородским и псковским особенностям произношения, еще не затемяют смысла. Но написание „лучи“ вместо „луди“ уже нарушает самый смысл, а написание „бѣша“ вместо „биша“ вносит в текст прямо непоправимое искажение.¹

Написанный текст просматривался писцом, замеченные ошибки исправлялись, а пропущенное вставлялось. Последнее было чрезвычайно просто: в надлежащем месте текста пропуск отмечался крестиком, кавычками или каким-либо другим значком. Значок этот повторялся на поле и ставился рядом с пропущенным текстом. Труднее обстояло дело с исправлением. Зачеркивания избегали, так как оно могло вызвать нареkania со стороны заказчика. Поэтому исправление наносилось осторожно, несколькими штрихами, ошибочные линии обычно не стирались, так что исправленное слово иногда можно было прочесть двояко. Это тоже содействовало накоплению ошибок и порче текста.

Чтобы дать представление о том, какие ошибки могли накопиться в сравнительно ясном тексте, приводим здесь небольшой отрывок из рукописной Кормчей XV века Барсовского собрания.²

КНИГА КОРМЧАЯ, гл. 48, отд. 23

Барс., № 155, л. 174

Печатный текст, М., 1650 г.

1. Велико[г] по[с] стро(а?)ины[х] при
2. ближние языци не
3. равно посятся Люд
4. ская з. 9. не[д] прочии[ж]
5. ови. 8. не[д] друзии ж
6. вѣще инии[ж] мнѣи Ита
7. ли ре[к]ши Римляне. 6.
8. не[д] посятъ[с]

1. Великого поста страны их я при-
2. ближнии языци не
3. равно посятся Лят-
4. ская земля 9 недель, прочии же
5. овици осмь недель, друзии же
6. вѣщше, инииже мнѣи. Ита-
7. ли, рекше Римляне 6
8. недель посятся.

1. В первой строке, возможно, уже стояло неправильное чтение „стра[н]иных“ с выносным *н*; утратилось это *н*, или переписчик пропустил его, но два слитно написанных слова приняты за одно — „стройных“. Правда, *о* переправлено затем на *а*, но недостаточно ясно; а выносное *н* не поставлено, и осталось совсем уже невразумительное написание „стройных“ или „страйных“.

2. Слово „прибли[ж]нии“ было, повидимому, согласовано со словами „великого поста“, что дало „приближение“.

3—4. В слове „Лятская“ *а* иотованное было прочитано как *ю*; вслед затем *т* исправлено на *д*, и получилось „Людская“. Слово „земля“ для краткости заменено буквой *з*, но она стоит без титла и без точек, так как иначе ее можно было бы принять за цифру, а рядом уже стоит цифра девять.

5. В четвертой строке частица „же“ дана в виде выносной буквы *ж*, так как она приходится в самом конце строки, состоящей из 17 знаков. Строка пятая когда-то состояла из 16 знаков, так как в слове „дру-

¹ Н. М. Каринский. Мусин-пушкинская рукопись „Слова о полку Игореве“ как памятник псковской письменности XV—XVI вв. ЖМНП, 1916.

² В скобках поставлены буквы, вынесенные над строкой.

зии“ у еще в середине XIV века писалось через *ou*. Тогда в этой строке частица „же“ приходилась в самом конце и, возможно, также изображалась в виде выносной буквы *ж*. С изменением правописания, когда в середине слова стали писать простое *у*, строка сократилась, выносное *ж* пришлось поставить в строку и раскрыть титло, что писец и сделал по силе своего разума, и получилось „друзии живяще“.

Трудно сказать, какие ошибки уже были в оригинале Барсовской рукописи и какие внесены ее писцом. К счастью, мы имеем в данном случае хорошо известный текст, сохранившийся во многих списках; в него можно было со временем внести исправления.

Другое дело в „Слове о полку Игореве“. Писец имел единственный список, который ему не с чем было сравнить для исправления накопившихся ошибок. Принимая во внимание необычность текста, можно удивляться, что ошибок и искажений в нем еще не так много. Это обстоятельство, может быть, говорит о том, что со времени своего создания, в XII веке, до времени написания мусин-пушкинской рукописи, в конце XV—начале XVI века, „Слово о полку Игореве“ имело не так много списков. О том же, может быть, свидетельствуют еще сохранившиеся в памятнике следы древнего правописания.

Итак, приняв во внимание все особенности, свойственные более или менее беглому полууставу XV века и первой половины XVI века, а также те характерные черты, которые с большой долей вероятности установлены исследователями для мусин-пушкинской рукописи, мы можем представить себе правописание этого памятника. Мы даже можем указать подобные рукописи в различных собраниях. Такова, например, по системе сокращений и лигатур рукопись XV века Барсовского собрания, откуда мы привели образец и искажения текста.¹ Но указать рукопись, близкую по графике сгоревшему сборнику Мусина-Пушкина, конечно, невозможно. Во-первых, мы не знаем, был ли это полуустав обычного размера или мелкий; во-вторых, не известно (если считаться с заявлением Селивановского), какой из типов полуустава XV—XVI веков надо принимать для погибшей рукописи „Слова“ — более геометрический или круглящийся, несколько подражающий греческим начертаниям.²

Итак, со времени создания поэмы, в XII веке, к XV веку, т. е. ко времени написания мусин-пушкинской рукописи, в тексте не могли не появиться неправильные написания. Они вызывались или неверным осмыслением ставших непонятными выражений, или утратой каких-либо знаков, или обычными „ошибками“ писцов — вроде гаплографии, или, наконец, особенностями говора писцов. Таким образом если в самой рукописи Мусина-Пушкина имелись искажения текста и ошибки, то непонимание и непривычка к чтению древнего письма добавили новые ошибки при копировании в XVIII веке. Особенно это сказалося в разделении слов, в неправильном раскрытии титла и, может быть, в недосмотре и пропуске некоторых побледневших выносных букв.

Надо принять во внимание, что в конце XVIII века при издании памятников не придавали большого значения особенностям правописания и начертаний и не считали необходимым делать оговорки и примечания относительно спорных и неясных мест. Однако несомненно,

¹ Содержит один из известных в науке списков Кормчей с Русской Правдой (XV век, листового размера, писана в два столбца).

² Ср. почерки знаменитой Троицкой псалтыри XV века или, например, рукописи ГИМ, Епарх., № 86, XV в.

спришеши. иже о бычан
имею. о влещи ни тою
маи мѣ. то гаттотри
бато. рѣцени сѣто о бра
змото лагато. сѣ мѣ на
персеи. акомы. надолб
приведраттоститратт
очни оушии. по здри
ноу сѣта. вое се о халт
лато. та о же ни мре сѣ
мертвѣ. сѣ сѣтвараю. **П**

Прохвнтерий три. и че
тырижды. в а водн
ной цркви. не лжати
или ни дѣтрн. лѣчнса
не расеб. жаю шенетт
сѣ сѣвернн. **К**

Кождяко оу дщрь. да во
не сое. женѣ и гаттот
маю. сѣ влѣтасѣ оу дщ
рь. за сѣласѣ оу и лѣ
бра. и лѣ гаттот сѣ роис
ше сѣтто оу мннше сѣ
жигтнѣ. сѣ пѣ вѣ дѣ
мѣ гасѣтвѣ зѣ оу дщ
ни

тои ели кляотъ. **К**а
лннскнй. лщѣи мала
болезнь. прнсла оу чнть
маи да гѣт. оу шенте
внздоронн. да дѣ
исвннорса. то **К**сѣ
Релика сѣтострѣнн. мѣ
влнже нѣ гѣт. зѣцн. не
равно постатт. сѣ лѣ
сѣка гѣт. **П**. не прочнн
оин. и не дѣ рѣнн. и
вѣщѣнн. и мѣнн. и
лн рѣнн. и мѣ лн. **С**.
не то сѣтвѣ. **К**сѣ.

Крѣтѣтнн. и вѣ вѣ сѣ днн
нннн. и вѣ цркви. и нн
щн. по чн гаттот. оу нн
мѣт. нн сѣ лѣ пѣ оу сѣ мѣ
оу нн лѣ гаттот. вѣ гѣтнн
вѣ лн сѣнн. и гѣтнн. сѣ лн
оу сѣтвѣ. нннн. и нн
ноу. не сое. мѣ сѣ не пѣ
мнн. пѣ лѣ щн. и цѣт. о
внн. вѣ гѣтнн. сѣ вѣ пѣ
снн. и нн. лѣ гаттот. вѣ

Ксѣ.

Барсовская Кормчая XV века. В верхней половине листа в правом столбце — образец ошибочного написания текста. Ручкопись XV века. Государственный Исторический музей, из собрания Е. В. Барсова № 155, лист 174

издатели старались точно передать текст, как об этом свидетельствовал Н. М. Карамзин, и, надо думать, список их сверялся с оригиналом и исправлялся.¹ Поэтому при высказывании тех или иных предположений приходится держаться этого текста и исходить лишь из тех возможностей, которые допустимы в данном случае: новое деление текста на слова, отдельные пропущенные или не на место поставленные выносные буквы, неправильное раскрытие титла — неверно прочитанное написание, ошибки диалектного порядка и, наконец, утрата или изменение значения слова. Найти ключ к ошибкам случайного характера, не имея другого списка, — невысказимо.

Представляя себе до некоторой степени правописание подлинника „Слова о полку Игореве“, мы можем теперь перейти к разбору некоторых непонятных мест поэмы.

1. „Тоже звонъ слыша давнии великии Ярославъ сын Всеволожь а Владимиръ, по вся утра уши закладаше в Чернигове“.

Обычно полагают, что здесь говорится о двух князьях. Первое издание видело здесь почему-то Черниговского князя Ярослава, сына Всеволода Ольговича (хотя княжение его относится к 1177—1200 годам, так что эпитет „давнии“ к нему не подходит), и Владимира Мономаха. Другие предполагали Ярослава Мудрого и Владимира Всеволодовича Мономаха² или Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха.³ А между тем здесь говорится только об одном князе: „Давнии великии Ярославль Всеволожь а Владимир“ = „Ярославль внук, Всеволожь сын, Владимир“. Следовательно, в первом издании недостает только буквы л в слове „Ярославль“; возможно, мы имеем здесь неправильное раскрытие конечного выноса. Двойное отчество — обычный способ величания князей в древней Руси. Мы постоянно встречаем этот оборот в летописи, особенно в дотатарский период, как с обозначением степени родства, так и без него. Так, под 1079 годом: „И възвратися Роман с Половци вспять и... убиша и Половци... суть кости его и досель лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля“.⁴

Под 1093 годом: „Преставися великий князь Всеволодь сынъ Ярославль, внукъ Володимерь“. Под 1096 годом: „И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа“. Под 1136 годом: „Мстиславичъ Всеволодь, внукъ Володимерь“.⁵

Княжеские отчества по отцу и по деду встречаем в летописи под годами 1174, 1176 и далее. Так, под 1179 годом: „Представися... князь Мстиславъ Ростиславичъ внукъ Гургевъ“, а под 1187 годом: „Всеволодь Юргевичъ, Володимерь внукъ Мономаховъ отдал дчерь свою Все славу Чернигову за Ярославича Ростислава, внука Всеволожа Ольговича“.

Всеволод в летописи все время упоминается с двумя отчествами: под 1190 годом: „благовѣрный христоролюбивый великий князь Всеволод

¹ В с. Ф. Миллер. Взгляд на „Слово о полку Игореве“, М., 1877, стр. 148.

² Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 59.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, стр. 80.

⁴ Лаврентьевская летопись, 1079 год. (Далее цитаты из Лаврентьевской летописи приводятся по изданию 2-му, Л., 1926).

⁵ Интересно, что в Лаврентьевской летописи при имени Владимира Мономаха вообще почти не встречается отчества.

сын Гюргевъ, внукъ Мономаховъ Володимеръ“. Тот же оборот находим мы и в таком древнем памятнике, как „Хождение игумена Даниила“: „Ходилъ есми тамо, во княжение руськое великого князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Владимерича Киевского“.¹

Это своего рода *Noten*, *Cognomen*, *Prænomen*. Ср. постоянный вопрос в былинах: „как-то тебя именем зовут, как звеличают по отчеству“.² В данном случае это есть обозначение рода-племени — род Всеволода, племя Ярослава. Но раз это место надо отнести к „давнему великому Ярославичу сыну Всеволожу Владимиру“, то само собой решается вопрос, какого „старого Владимира“ подразумевает певец в других местах поэмы: 1) „почнем-же братие повесть сию от старого Владимира“ и 2) „того старого Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ“.³

Несомненно в обоих случаях говорится о Владимире Мономахе, который один раз назван „давний“ и два раза „старый“. Он противопоставляется Олегу Черниговскому. И это, конечно, не Владимир Святославич (ум. в 1015 г.), который ни разу не упомянут в поэме даже в отчестве. Слово „тоже“, с которого в первом издании начинается данный текст, нет необходимости заменять архаичным „тъи же“. Оно, повидимому, совершенно правильно передает написание подлинника. Только после букв *то* над строкой стояли, вероятно, две короткие косые черточки. Эти черточки обычно означают выносную букву *и* в конце слова или в конце строки. Иногда значение их не совсем ясно, тогда их не вносят в текст, но оговаривают в примечании. Однако, повидимому, первые издатели не придавали особого значения надстрочным знакам. Данное место следовало прочитать как „той же“, а именно: „той же давний великий Ярославъ Всеволожь а Владимир“.

В слова „звон слыша“ некоторые исследователи вчитывают сложный смысл — об интригах Олега, которые просмотрел Мономах. Между тем эти слова означают только, что Олег своими крамолами не давал Мономаху покоя; ср. ходячее выражение „шум такой, хоть уши затыкай“.

Итак, поэма для Владимира Мономаха дает три княжеских имени. Так же именует она и противника Владимира, Олега Святославича Черниговского. Мы подразумеваем следующее место:

II. „рекъ Боянъ и ходы на Святославля пѣстворца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти тяжко ти головы кроме плечю“.⁴

И здесь слова „Святославль“, „Ярославль“ являются отчествами Олега Когана. Первое издание дает перевод: „Сказал сие Боян и о походах воспетых им в прежние времена, князей Святослава, Ярослава и Ольга сим кончил: тяжело...“. „И ходы“ было понято как походы; имена собственные приняты за обозначение трех князей; в конце прибавлено: „сим кончил“, так как эта последняя „припевка“ Бояна совершенно правильно была понята как заключение. В последнее время в большинстве переводов утвердилось толкование, предложенное И. Е. Забелиным: „рек Боян и Ходына песнотворца старого времени“. Однако вряд ли это правильно. Ходына ни разу не упомянут ранее; странно

¹ Ф. И. Буслаев. Хрестоматия. М., 1861.

² П. Рыбников, т. I, 19: „Вольга и Микула“ (Киж, Рябинин).

³ Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, стр. 5 и 37; А. С. Орлов, стр. 66 и 85.

⁴ Изд. 1-е, стр. 44.

было бы, что певец „Слова“ приводит его при одном только изречении; добро бы это было нечто исключительное, но данная „припевка“ ничего чрезвычайного в себе не заключает; как и две другие, она возникла из опыта поколений — это пословица. Что в этом суждении такого, что певец решил добросовестно наряду с Бояном помянуть и Ходыну? При этом Бояна и предполагаемого Ходыну делили между двумя черниговскими князьями — Святославом Ярославичем и его сыном Олегом. Соответственно этому написание „хоти“ было осмыслено как „любимцы“.¹ Прежде всего надо напомнить, что уже давно пробовали „и ходы“ первого издания объяснить как „исход“, „исходы“,² причем указывали на то, что в народном эпосе существуют термины „зачин“ и „исход старины“.³ Следовало бы продолжать поиски правильного чтения в этом направлении; только в написании „и ходы“ надо видеть не слово „исходы“, а слово „исходнь“ или, вернее, „исходьны“, подразумевается „стих“, т. е. именно то, что в былине называется „исходом“.⁴ Нам известны названия песнопений „подобны“, „настиховны“; можно предположить такую же форму и в данном случае. Мы не находим ее в богослужебных терминах лишь потому, что имелась отдельная служба — „на исход души“; стихи ее совершенно особого содержания, а потому не пелись отдельно и не могли присоединяться к другим песнопениям и, следовательно, не нуждались в особом названии. Но в мирской песне это название „исходный“, очевидно, существовало и дошло до нашего времени в выражении „исход старины“.

Итак, надо полагать, что данное место „Слова“ первоначально было написано следующим образом: „рек Боян и[с]ходьны Святъслав[л] пѣ[с]-творь[д] старого времени Ярослав[л] Ольгова коганя хо[т] и тяжко ти головы...“.⁵

Как мы уже указывали выше, выносное с под титлом легко могло утратиться в рукописи или не было замечено первыми издателями; буква ъ рядом с мачтой соседнего *и* могла быть прочитана как *ы*, а тесно написанное конечное *ы* с течением времени было принято за *а*. Впрочем, каким бы путем это ни произошло, несомненно, что здесь стояло слово „исходьны“, ибо только оно одно могло дать чтение „и ходы на“.

В зависимости от слога *на*, принятого за предлог, требующий винительного падежа, последовало неправильное раскрытие последующего слова: „ходы на“ — *кого, что?* а потому слово „пѣ[с]творь[д]“ раскрыто как „пѣстворца“. Эта последняя форма повлекла за собой раскрытие слов „Святъслав[л]“, „Ярослав[л]“ как „Святъслава“, „Ярослава“ в качестве определения к слову „песнотворец“. Между тем прилагательные Святославль, Ярославль обозначают отчество, и оба относятся к словам „Олега коганя“, а все три имени вместе являются распространенным приложением к выражению „старого времени“. Подлинный смысл становится очевидным при следующем чтении: „рек Боян исходьны Святославаля песнотворец старого времени, Ярославаля Ольгова

¹ Слово о полку Игореве, 1950, стр. 74, 101, 465.

² Д. Дубенский, 1844; Я. Малашев, 1880. — А. Потебня подошел к этому чтению, но отверг его.

³ А. С. Орлов (стр. 133—134) принимает это толкование, но переводит „исходы“ как „конец для песнотворца“, оставляя неправильное чтение „на песнотворца“.

⁴ Исходный — заключительный, конечный. Ср. у Миклошича — „исходнь, исходьно пѣние, исходьна пѣснь“.

⁵ Мы отмечаем выносные буквы только в тех случаях, в которых позднее возникло неправильное чтение; выносы в словах Боя[и], стара[г] време[и], если они и были, не повели к изменению смысла.

коганя, хоть и тяжко ти головы...“: „Сказал Боян исходный стих песнотворец старого времени, коганова Ольгова Святославича Ярославича: хоть и тяжко тебе голова...“.

Итак, „исходны“ вместо „и ходы на“, „песнотворец“ вместо „песнотворца“, „коганова Ольгова Святославля Ярославля“ — приложение к словам „старого времени“.

III. „Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на канину зелену паполому постла за обиду Ольгову храбра и млада князя“.¹

Одни исследователи считают слово „канина“ названием черниговского ручья — Канин, впадающего в реку Десну и упомянутого в летописи под 1152 годом.² Другие (Н. С. Тихонравов, В. С. Миллер, А. П. Кадлубовский и И. И. Козловский), принимая во внимание свидетельство Задонщины, читают „кавылу зелену“. Несомненно, нельзя оставить без внимания текст Задонщины, где в подобном месте дважды упомянут ковыль: „летети главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зеленѣ ковыль травѣ“.³ Здесь Задонщина совершенно очевидно перефразирует текст „Слова о полку Игореве“; выпущено только слово „паполома“, может быть уже непонятное для XIV века.

Но и те, кто принимает чтение „на ковылу“, и те, кто принимает чтение „на канину“, одинаково считают, что глагол „постла“ относится к слову „паполому“: „Слава постлала ковер на зеленую траву (ковыль)“,⁴ или: „Слава на Канину (реку) зеленое покрывало постлала“.⁵

Первый вариант ближе к истине; надо думать, что в рукописи стояло: „на кавы[л]ну зелену паполому постла“. Пропущенное по тем или иным причинам л дало „кавыну“; буква *в* как бы она ни была написана, в виде ли двух заходящих друг за друга треугольников или в виде четырехугольника, могла быть принята за *н* (особенно в непонятном для писца слове). Так могло возникнуть чтение „канину“ вместо „кавылну“. Остается глагол „постлатъ“, который сбивает с толку переводчиков. Он требует прямого дополнения в винительном падеже: *постлатъ кого, что?* В настоящее время глагол этот употребляется только с прямым дополнением из категории неодушевленных предметов. Но совершенно обосновано предположение, что когда-то при нем было мыслимо дополнение из разряда одушевленных существ. Как теперь мы говорим — уложить *кого, что?* так же, по видимому, можно было глагол „постлатъ“ применить как к неодушевленному, так и к одушевленному существительному. Следовательно, в переводе это место означает: „Бориса же Вячеславича, молодого и храброго князя, слава на суд привела и на ковыльный зеленый ковер уложила за обиду Ольгову“. Слова „млада и храбра князя“, конечно, надо относить к Борису Вячеславичу, погибшему в возрасте 20 лет. Это место поэмы посвящено ему, и оба определения безусловно относятся не к Олегу, а к Борису, как и понимал это место Н. С. Тихонравов.

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 1800 г., стр. 15—16; А. С. Орлов, стр. 69.

² И. Снегирев. Русский исторический сборник, т. III, М., 1838; К. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948.

³ А. С. Орлов, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 80.

⁵ Слово о полку Игореве, 1950, стр. 84.

IV. „И схотию на кровать и рекъ“ — в переводе 1800 года:
„На сем-то одре лежа произнес он“.¹

Это место поэмы до сих пор не получило окончательного разъяснения. Было предложено следующее чтение последних слов: „на кровъ а тьи рекъ“.² Затем найдено правдоподобное чтение „юна кровъ“, почему-то оставленное без внимания.³

Последнее по времени издание все еще дает малоубедительный и неясный текст: „и с хотию на кровъ, а тьи рек“, в переводе: „был прибит на кровъ со своим любимцем, а тот сказал“.⁴

Слово „хоть“, один раз встреченное в „Слове о полку Игореве“ („своя милья хоти Глебовны“), привлекло внимание исследователей, и его охотно вчитывают в другие места поэмы. „И схоти“ первого издания стали объяснять „с хотию“. Однако если читать текст как „и схоти юна кров а тьи рек“, то здесь надо видеть два предложения; во втором, которое присоединено через союз „а“, подлежащим будет „тьи“, сказуемым — „рек“. В первом предложении подлежащим подразумевается „сам“ (Изяслав), но сказуемого недостает; следовательно, в написании „и схоти“ кроется глагол. Всего ближе подходит здесь глагол „исхйти“ — третье лицо единственного числа аориста от глагола „исхытитъ“ = исхитить, исторгнуть, в данном случае — в смысле извергнуть, источить, излить. „Исхйти“ требует прямого дополнения, каковым являются слова „юна кровъ“. Форма эта, где винительный падеж прямого дополнения равен именительному, вполне возможна в XII—XIII веках.⁵ Написанное „исхйти“ могло быть прочитано как „и с хоти“; буква *ы* в беглом, некрупном полууставе конца XV—начала XVI века могла получить нечеткое написание, которое в XVIII веке было прочитано как *о*. Именно: если левая часть буквы *ы* имела большую заплывшую вверх петлю, в виде неправильного треугольника, то ее легко можно было принять за букву *о*. Правая мачта буквы *ы*, возможно, стояла близко к следующей за ней букве *т*, что могло сойти за левое опущенное крыло этой буквы, написанной в один столбик с перекадиной сверху; получалось асимметричное написание *т*, в котором третий столбик короче остальных, характерное для XV в.⁶

Затруднение заключается в том, что обычный смысл глагола „исхытитъ“ = исторгнуть, извлечь. Если он действительно стоял здесь, то только в значении — извергнуть, излить, источить. Мы не беремся решать, стоял ли здесь какой-либо иной глагол, аналогичный по смыслу, совершенно искаженный, может быть, еще до XV века, или слово „исхытитъ“ изменило, сузило свое значение.

Но мы можем утверждать, что в слове „исхоти“ подразумевается несомненно глагол, притом начинающийся с предлога „из“, ибо слова „исхоти юна кровъ“ в стилистическом отношении представляют параллель к словам „изрони жемчужну душу“. При этом такое предположе-

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, стр. 34; А. С. Орлов, стр. 73.

² Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, ч. II. 1887, стр. 243—245.

³ Н. И. Мамьковский. Слово о полку Игореве. Лирическая поэма внука Боянова. Житомир, 1915.

⁴ Слово о полку Игореве, 1950, стр. 68.

⁵ Ср. „Завещание“ Климента Новгородца XIII века: „взяти на Борьке гривна“ (С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия, ч. I. Л., 1940).

⁶ Буква *т* в XV—XVI веках имеет четыре начертания: 1) в три столбика одинаковой длины; 2) в один столбик с двумя короткими черточками на концах перекадины; 3-й и 4-й типы имеют два рядом стоящих столбика одинаковой длины, а третий укороченный. См.: В. Н. Щепкин. Учебник палеографии, стр. 122.

ние раскрывает смысл слова с наименьшим изменением текста первого издания — оно потребовало замены одной лишь буквы. Остается фраза „а тѣи рекъ“, смысл коей не вполне ясен. Кто сказал эту „припевку“: „Дружину твою княже пти[цы] крылы приодѣ[ш]а, а звѣри кровь полизаша“? Речь идет об одном из внуков Всеслава Полоцкого — Изяславе; брат его Брячислав упоминается в летописи под 1181 годом. Следовательно, это современники певца „Слова“ и современные ему события. Если припевка принадлежит ему самому, то мы вправе ожидать каких-либо вводных слов (ср. „рци лебеди распужени“). Если же эта припевка принадлежит, так же как и две другие, Бояну и применена автором „Слова“ к современным событиям, то, может быть, должно было стоять: „а тѣи рекл бы“ — „а тотъ [Боян] сказал бы“.

Итак, предположительно: „исхыти юна кровь а тѣи рек[л] бы“ — „Источил юную кровь, а тот сказал бы: Дружину твою княже птицы крылами приодеша, а звери кровь полизаша“.

V. Босый, босов (босув), Бус.

а) „Скочи съ него босымъ влъкомъ“.

б) „Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху“.

в) „Поють время Бусово“.¹

Название волка „босый“ отмечено еще в XIX веке в Севском уезде б. Орловской губернии,² но слово это, повидимому, утратило свое первоначальное значение.

По форме „босый“ — прилагательное качественное, „босуви“ — прилагательное относительное, указывающее на принадлежность кому-то. Но, повидимому, оба слова одного корня и родственны по значению. Предполагали, что слово „босый“ равнозначуще с „бусый“, т. е. „серый“ особого оттенка, дымчатый, темносерый,³ и употребляется, смотря по местности, не вытесняя слова „серый“. Раз приняв это толкование, исследователи решили, что в „Слове о полку Игореве“ говорится об особой породе вóронов — серых! С этим никак нельзя согласиться: поэма дает волку три раза постоянный эпитет „серый“, один раз — „босый“ и один раз приводит без эпитета. А вóрон, помянутый два раза, в одном случае имеет постоянный эпитет „черный“ — „ни тебе чръный воронъ, поганый Половчине“⁴ и другой раз „босув“: „босуви врани“. Определительные слова „босый“ и „босув“ роднят волка и вóрона. Но если волк назван в поэме серым, то вóрон назван черным; следовательно, толкование слова „босый“ как „бусый“ = серый, приходится отбросить. Тогда что же общего у волка с вóроном? Они оба считаются хищниками. Но для этого есть эпитет „лютый“, который не применим к вóрону и если применяется к волку, то только тогда, когда он назван не волком, а более общим именем — зверь.⁵ Един-

¹ Изд. 1800 г., стр. 41, 23, 25.

² А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910, стр. 55. (На этот словарь мы ссылаемся и в дальнейшем).

³ А. Преображенский. „Слово «бусый», необъяснимое из русского языка, возводит к тюркскому «бос», курдскому «боз» — серый“. Толкование слов „босый“ и „босуви“ как „бусый“ предложено В. Макушевым в рецензии на издание „Слова“ Н. Тихонравовым (ЖМНП, № 2, 1867, стр. 465) и разработано Вс. Миллером (Взгляд на „Слово о полку Игореве“).

⁴ Изд. 1800 г., стр. 11.

⁵ Выражение „лютый зверь“ в поучении Мономаха и в „Слове о полку Игореве“ Буслаев передает как „волк“ (Ф. И. Буслаев. Хрестоматия, стлб. 478, 612). Ср. указание русского слависта 1840-х годов П. И. Прейса на название волка в литовском языке (М. П. Алексеев, Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета, вып. 3, Л., 1951, стр. 229).

ственно, что сближает волка с вóроном, это то, что они оба существа „волшебного порядка“. Волк может быть человеком, оборотнем. Это поверье очень древнее. У славян, в том числе у русских, имеется свое слово для этого понятия: волкодлак, волколак,¹ у сербов — вукодлак, но уже не в значении волка — оборотня, а мертвеца-упыря — вампира, так же как и болгарский вълколак. Следовательно, волк может быть просто зверем, и тогда он „серый“, это его постоянный эпитет. Но волк может быть оборотнем, волкодлакой, тогда он волшебный, „босый“. Князь Игорь „босым волком“, т. е. оборотнем, скочил с коня и помчался далее. Таким образом слово „босый“ отнюдь не постоянный эпитет и не равнозначит нерусскому слову „бусый“. „Босый“ это свойство, присущее особым волкам — оборотням. Слова „Всеслав лютым зверем скочи из Киева до Дудуток“, возможно, имеют тот же смысл. Недаром Всеслав именуется в эдем. Это же прозвище волка встречаем мы и в летописи — в имени московского боярина и тысяцкого Алексея Петровича Босоволка под 1347 годом.²

У арабского историка X века Масуди мы находим известие, что у славян вóрон был посвящен божеству, считался священной птицей. В сочинении „Золотые луга“, говоря о языческих храмах славян, Масуди сообщает следующее: „Другое здание построено было на Черной горе, окруженной чудотворными водами различного цвета и вкуса, которых целебная сила повсюду известна. Там есть у них большой идол, изображающий... человека... под ногами его изображены муравьи, вороны и другие подобные птицы“.³ И в позднейших сказаниях, несмотря на влияние христианства, вóрон сохраняет характер волшебной птицы. Правда, из вещего он становится зловещим. Но в сказках мы еще находим отголосок древних воззрений, когда вóрон являлся священной и благодетельной птицей: он приносит мертвую и живую воду, чтобы оживить убитого.

Значение слов „босый“, „босув“ забылось с утратой каких-то древних верований. К счастью, мы еще можем уяснить себе его подлинное древнее значение. В словаре древнерусского языка И. Срезневский приводит слово „бось“, множественное „босове“. Оно встречено в Псалтыри XI века в тексте толкований на псалом 118, стих 150: „От закона же твоего удалишася“; толкование: „далече бо быша от своа чьсти и бога босове“. Исходя из греческого оригинала, И. Срезневский дает объяснение: бос дьявол, демон, босов, босув — прилагательные.⁴

Итак, слово „бось“, множественное „босове“, передает греческое слово „демон“, которое в древности означало божество вообще, а с принятием христианства — духа зла, бѣса. Такое же изменение смысла произошло, повидимому, и в русском языке: может быть, при наличии слова „бѣсъ“ слово „бось“ исчезло как излишнее. Прилагательное

¹ А. Преображенский. Этимологический словарь. Волкодлака значит — волчья шерсть. Ср. севское — волколака. В индексе книг ложных и запрещенных, указаны и такие, которые учат, как превращаться в разных зверей: „в них же суть вся дванадцать опрометных лиц звериных и птичьих“ (К. Калайдович. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1821, стр. 211).

² См.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 77. — П. И. Преий еще в 1840-х годах сопоставил это имя с эпитетом „босый“ в „Слове о полку Игореве“. См. статью М. П. Алексеева в сборнике статей „Слово о полку Игореве“ под ред. В. П. Адриановой-Перетц (Л., 1950, стр. 247).

³ Сочинение Масуди „Золотые луга“, 956—957 г. См.: И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1846, 3, IV.

⁴ И. Срезневский не делает вывода из своего открытия; он приводит цитату „босуи врани възграху“, но так и оставляет вопрос нерешенным.

„босый“, утратив свое древнее значение, сохранялось в Севском уезде Орловской губ. почти до нашего времени в качестве одного из эпитетов волка.

К сожалению, из словарей нельзя уяснить, что собственно означало это слово в XIX веке. Древнее его значение, повидимому, — священный. Босув — посвященный божеству, принадлежащий божеству. Следовательно, Максимович и Буслаев были ближе всех к истине, когда предлагали „босуви“ передавать через „бѣсови“.

Обратимся к слову „Бусъ“: „Поют время Бусово“.

А. А. Шахматов высказал предположение, что под именем Буса в „Слове о полку Игореве“ вспоминается один из предводителей антов IV века, попавший в плен к приморским готам и распятый ими в числе 70 других славянских вождей. Известие это приведено в труде историка Иорнанда. В латинском оригинале имя вождя антов передается в форме „Боз“, „Бооз“. Возможно, что здесь надо предположить форму „Боус“ с дифтонгом *ou*, что в дальнейшем могло дать „Бус“.¹

Русская летопись не сохранила нам княжеских имен древнее IX—X веков. Эти языческие имена продолжают даваться русским князьям и после принятия христианства наряду с крестным именем по кому-либо из святых. Языческие княжеские имена обычно сложные, из двух слов; они имеют определенный смысл, и цель их — прославление и возвеличение носителя этого имени. Приведем наиболее часто встречающиеся из них.²

Святослав	Святополк
Ярослав	Ярополк
Брячислав	Вячеслав
Владимир	Всеволод
Всеслав	Изяслав
Мстислав	Ростислав
	Станислав

Они отличаются по смыслу от обычных имен, которые также продолжают жить и в христианскую эпоху в качестве прозвищ: Вышата, Добрыня, Завид, Жирослав, Истома, Мирослав, Остромир, Перенѣг, Путята, Ратибор, Сбыслав, Станимир, Станислав.³

Мы встречаем среди них и сложные, в которые входят слова „слава“ и „мир“. Но насколько можно проследить, в этой группе совершенно отсутствуют имена с составной частью „Свят“ или „Яр“. Возможно, что они были присвоены исключительно лицам из княжеского рода. На этом основании мы вправе ожидать, что и древнейшие княжеские имена тоже должны были заключать в себе какие-то представления о могуществе и божественности. А тогда и фонетически и по смыслу как будто есть основание имя „Бус“ возводить к тому же корню, что и слова „бос — босове“, „босый“, „босов“ (босув). И, возможно, Максимович был прав, сопоставляя слово „босуви“ с названием урочища „Бусовой горы или Бусовицы, находящейся под Киевом над Лыбедью“.⁴

¹ См.: А. С. Орлов, стр. 120.

² Мы не приводим имена не славянского происхождения, вроде Борис, Олег, Игорь, Рюрик, Рогволод, или неясное по смыслу Глѣб.

³ М. Погодин. О наследственности древних санов (1054—1240 г.). Н. Калачев. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1876, стр. 69, а также: Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903.

⁴ М. Максимович, Собр. соч., т. III, Киев, 1880, стр. 649. — Возможно, в этом урочище надо предполагать место какого-то языческого святилища. Мы не решаемся заменять „босув“ через „босов“, предоставляя фонетическую сторону вопроса специалистам-языковедам.

Теперь, когда понятен смысл слов „босуви врани“, мы обратимся к тексту сна князя Святослава: „Вею ноць съ вечера босуви врани възгряху, у Пльсьнска на болони бѣша дებрь Кисаню, и не сошлю к синему морю“.¹ „Пльсьнск“ еще в первом издании был отождествлен с одним из городов Галицкой Руси, с ссылкой на историю Татищева. Н. М. Карамзин также считал, что в этом слове подразумевается исторический город Плесенск, расположенный в верховьях реки Серета, левого притока Днестра, на границе Галицкого и Владимирского (Волынского) княжеств. Город, надо полагать, был довольно значительный, судя по тому, что Даниил Романович, взяв его в 1223 году, захватил в нем и в окрестностях много пленных. Плесенск был, повидимому, передовым укреплением на восточной границе Галицкой земли. Здесь в 1188 году произошла битва галичан и их союзников венгров с напавшим на них Романом Мстиславичем.² Таким образом слово „Плесенск“ до сих пор не возбуждало сомнений. В дальнейшем был предложен ряд новых чтений с целью уяснения текста. Из них надо отметить утвердившееся в науке чтение В. Макушева: вместо „дებрь Кисаню“ — „дებрьски сани“ — змеи лесной чащи, ущелий, расселин³ и В. Ф. Миллера: вместо „босуви врани“ — „бусови врани“ = темнодымчатые, изсиня-серые вороны.⁴ Последнее толкование было принято взамен предложенного Максимовичем, а затем Буслаевым „бѣсови врани“. Постепенно разбираемый текст принял следующий вид: „всю ноць съ вечера бусови врани възгряху. У Пльсьнска на болони бѣша дებрьски сани и несошася к синему морю“.⁵

Вместо запятой, стоявшей в первом издании после слова „възгряху“, была поставлена точка; это закрепило деление текста на два самостоятельных предложения.

Однако, несмотря на все исправления, смысл текста оставался не вполне ясным, а конструкция второго предложения нескладной. Попробуем разобрать это место поэмы. Прежде всего напомним, что слово „босуви“ ни по происхождению, ни по значению не имеет никакого отношения к слову „бусый“ (серый). Затем, если принимать в данном месте поэмы деление на две фразы, то слова „бѣша“ и „несошася“, соединенные союзом *и*, должны относиться к одному и тому же подлежащему, как полагают к слову „сани“, которое рассматривается как именительный падеж множественного числа. Но „сани“ (змеи) не летают (ср. их эпитет „дებрьски“) — летают вороны.⁶ Однако если глагол „несошася“ („несошлю“) относить к воронам, то к ним же надо отнести и глагол „бѣша“. Следовательно, весь текст надо рассматривать как одно слитное предложение с одним общим подлежащим — „врани“ и тремя сказуемыми: „възгряху“, „бѣша“ и „несошася“: „У Пльсьнска на болони босуви врани възгряху, бѣша дებрьски сани и несошася (несошлю) к синему морю“. Так как форму „дებрьски сани“ в таком случае нельзя более считать именительным падежом множественного числа, то приходится признать ее винительным множественного числа,

¹ Изд. 1-е, стр. 23—24.

² Сведения по г. Плесенску сообщены нам проф. М. Н. Тихомировым.

³ См. словари Миклошича и Срезневского. Впрочем, слово „дებрь“ значит также „чаща“ лесная, садовая (В. Макушев, ЖМНП, № 2, 1867).

⁴ См. словари Даля и Преображенского. В. Миллер. Взгляд на „Слово о поку Игореве“. 1877.

⁵ А. С. Орлов, стр. 71.

⁶ В сне Святослава собраны все возможные символы несчастья, но все они даны в правдоподобных образах, тем более, что сон этот, повидимому, представляет собой литературный прием.

т. е. прямым дополнением к глаголу „бѣша“. Глагол этот мало подходил при прежнем делении на два предложения и совсем не подходит, не имеет смысла в слитном предложении. Остается думать, что в этом слове кроется какая-то ошибка. Всего проще предположить, что вместо „бѣша“ первоначально стояло „биша“. Это вполне закономерная ошибка: установлено, что рукопись Мусина-Пушкина имела ряд новгородско-псковских особенностей, в том числе замену *ѣ* на *и*, которая не нарушает смысла в таком случае, как „дѣвица“ — „дивица“; следующий писец легко узнавал слово и мог восстановить правильное написание. Но в данном случае замена буквы *и* буквой *ѣ* коренным образом меняла самое значение слова и подставляла глагол „быть“ вместо „бить“; поэтому обратное восстановление правильного чтения было невозможно. Замена одной только буквы возвращает смысл фразе: „врани биша дебрьски сани“.¹ В написании „несошло“ давно видели ошибку и исправляли как „несоша я“ и „несошася“.² Теперь, когда для нас ясно, что „дебрьски сани“ — прямое дополнение, становится очевидным, что здесь правильнее предполагать чтение: „несоша я“ — „их“, т. е. змей; стершееся или спешно написанное *а* можно принять за *л*, иотованное *а* — за *ю*. Следовательно: „священные вороны всю ночь с вечера каркали у Плесенка на болони, били змей и носили их к синему морю“. Это объясняет, почему карканье воронов раздавалось всю ночь — они сражались со змеями!

С востока русским княжествам грозили кочевники, на юго-западе вставала другая опасность — поляки и венгры. Город Плесенск был, повидимому, каким-то важным стратегическим пунктом на границе между Галицким и Волынским княжествами. Поэтому он и включен в сон Святослава. Сон этот в символах, живших в народе, предвещал недоброе: кровля без князя (конька) — потеря родных; жемчуг — слезы; кровать с черным покровом или вино с отравой — печаль, может быть болезнь. И виновники этого горя — кочевники — из их пустых колчанов осыпают Святослава жемчугом. А на другом конце русской земли, в Галицком княжестве, поднимаются другие враги, ведь змеи — символ измены, коварства и вражды. И священные вороны, сопутствующие каждой битве, борются с этими врагами, избивают их и уносят к морю. Мы не будем гадать, кто били эти змеи — венгры или галицкие бояре, к которым относится знаменитое изречение князя Романа Мстиславича: „не передавивши пчел, меду не есть“. Достаточно вспомнить, что Владимир Галицкий, изгнанный отцом, был братом Ефросинии Ярославны и шурином Игоря. Уже в силу родственных связей, не говоря о причинах политического характера, галицкие дела должны были интересовать черниговских князей (Ольговичей) и их окружение.³

Смысл этого места „Слова о полку Игореве“ раскрывался медленно, шаг за шагом, начиная с 1800 года. И всякое правильно найденное объяснение облегчало дальнейший шаг. На этом отрывке были применены все допустимые приемы исправления, о которых говорилось выше, во вступлении: новое деление текста на слова и фразы, вставка

¹ Подлежащее — вороны; прямое дополнение — змеи; что могли делать вороны со змеями? Написание „бѣша“ вместо „биша“ могло появиться тогда, когда было забыто старое значение слова „сани“ (-змеи), и фраза „биша дебрьски сани“ стала в силу этого непонятной.

² В. Макушев, ЖМНП, № 2, 1867, стр. 455.

³ Сыновья Игоря погибли позднее в борьбе с галицким боярством (Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. 1208 год).

пропущенной выносной буквы, исправление ошибки, возникшей благодаря произношению писца, уяснение смысла вышедших из употребления слов „сани“, „бусови“. Таким образом в основном был восстановлен данный текст поэмы: „Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху у Пльсьнска на болони, биша дебьрски сани и несоша я к синему морю“. В переводе: „Всю ночь с вечера священные (вещи) вóроны каркали у Плесенска на равнине, избивали лесных¹ змей и несли их к синему морю“.

Сделанная недавно попытка объяснить „дебьр Кисаню“ как „Дебрь Киянь“, а Пльсьнськ как „Плоское — плиске“² не только возвращает к ошибочному чтению первого издания, но вносит в него еще новое искажение взамен, теперь уже вполне понятного и исторически обоснованного Плесенска. Затем, всякое новое чтение того или иного слова приходится согласовывать со смыслом всей фразы; в данном случае как раз этого согласования мы не находим, смысл текста только еще более затемняется. При этом оба предполагаемых урочища в сущности безымянные: плеске — плиске — имя нарицательное. Вместе с тем дебьр-„лес по речке Киянке“, во-первых, не засвидетельствована, во-вторых, могла носить любое иное название. Певед „Слова“ приводит названия рек, селений, урочищ. Но Немига, Дудутки, Нежatina нива прославлены событиями и вошли в историю. Ничем не отмеченные и потому ничего не говорящие овраги, перелески и отмели Киева не могли служить символами событий общерусского значения. Ибо мы имеем дело не с мемуарами современника, а с творчеством поэта: данный эпизод является литературным приемом, даже если в основу его и положен действительный сон. Мы встречаем этот прием и в народной поэзии (ср. песню о взятии Казани „Что ночесь мне царице мало спалося, в сновиденьице много виделося“).

Итак, работа над раскрытием неясных мест поэмы требует прежде всего бережного отношения к тексту первого издания.

Труды русских ученых, успешно работавших на этом поприще, указывают нам методы, которых надо держаться в данном случае. Новое деление текста на слова, новое, более правильное раскрытие сокращений, восстановление отдельных, с течением времени утраченных знаков, раскрытие ошибок диалектного порядка, исправление неверно прочитанных начертаний и, наконец, выяснение смысла устаревших или утраченных слов — вот те приемы, которые допустимы в данном случае. Всякое произвольное толкование, необоснованное лингвистически и палеографически, может только затруднить дальнейшее раскрытие текста.

¹ „Дебрь“ означает не только расселину, ров, но и лесную чашу. Поэтому позднейший эпитет змей „подкодная“ может быть по значению близок к эпитету „дебьрская“ (см. словарь Миклошича).

² См.: Сборник статей „Слово о полку Игореве“, 1950, стр. 209.

Странно на первый взгляд заявление Селивановского, что рукопись писана „белорусским письмом... похожим на почерк Дмитрия Ростовского“. Из этих слов не вполне ясно, с чем он сравнивает — с автографом Дмитрия Ростовского? Но его рука, несмотря на южнорусские

руч. 34. в. шрифто: Памо падоша вси дѣлаціи?
всозаконіе, и зримо вачи зъвѣща и чюдотъ спастич.

руч. 36. еще мало, и не вѣдѣ грѣшника, и
вращени мѣста его, и не вращени.

ПЗ. Жена лотва обратила лице свое
к сѣдѣ, зѣло стала сонна".

227

Почерк Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 62.

особенности, ближе к письму нашего времени, чем к письму XIV—XVI веков. Или с почерком рукописей Дмитрия Ростовского? Но основная часть их писана не им самим, а переписана начисто писцами.¹ Их

¹ Автографов Дмитрия Ростовского сохранилось немного, если не считать приписок и исправлений. Черновики его сочинений положены, согласно его завещанию, с ним в гроб. Дошедшие до нас рукописи его трудов писаны рукою писцов; имя одного из них известно — певчий Савва Яковлев. См.: И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский. СПб., 1891, стр. IX и 456.

Как известно, в тех случаях, когда конечная гласная одного слова стоит рядом с начальной гласной другого, и вообще при наличии двух рядом стоящих гласных, каждая из них отмечается надстрочным значком (на второй гласной иногда ставятся два значка). Значки эти имеют

когда насъ кѣшѣ^о своей: се оубрава
еси ялодатию вѣието зрѣо^о стою^о
покамнїе, кѣпомѣ несоудѣнїи. Ли-
несорѣе ти что ядѣиѣо^о.

Съ Гїи, тиѣ самѣ ядѣо
то ѣре велиши, и сохрани
насъ съмѣтиѣ зрѣхо-
пленїи въ всѣ дни
животѣ нашего,

АМИНЬ.

МЗ. Да не горѣе ти зѣти кѣшѣ^о.

зѣти горѣе?

1. В надсѣрѣ зрѣхѣти.

МЗ 2. Съгланїе.

Съгланїе послѣдняя кагѣва

Почерк писца Дмитрия Ростовского и собственноручная приписка Дми-
трия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 61 об.

вид легких наклонных черточек, вроде запятой.¹ При наличии таких надстрочных значков стоящее рядом выносное с под титлом легко может быть принято за подобный значок, особенно если точка, обозначающая с, с течением времени выцветет или сотрется. Таким путем в дальнейшем могут возникать невразумительные написания. Ср. пред-

¹ Е. Карский. Палеография. М.—Л., 1926, стр. 228.

100

прѣдешнікомѣ . прѣрѣжѣа ѡбне
 злобѣи срѣца моего , по срѣдѣ домѣ
 не прѣкла гѣа прѣтѣтѣи моимѣ рѣшѣ
 законѣ прѣтѣтѣи . прѣтѣтѣи прѣ
 стѣплениѣ ѡб ѡменѣи . не прѣ
 пемѣ срѣцѣи ѡво . ѡб ѡмѣи
 гѣа ѡменѣи ѡво . не прѣ
 ○ ка рѣтѣи ѡво прѣтѣтѣи . не прѣтѣтѣи
 (воего) гѣа гѣа . гѣа
 и не сытѣи срѣцѣи . ѡб
 ○ ти моимѣ вѣрѣи ѡ гѣа .
 прѣтѣтѣи . прѣтѣтѣи
 рѣшѣи стѣи и слѣтѣи
 сѣше по срѣдѣ домѣ
 мѣ . гѣа не прѣтѣтѣи . не
 слаше прѣтѣтѣи .
 прѣтѣтѣи ѡ гѣа гѣа .
 прѣтѣтѣи ѡ гѣа гѣа .
 прѣтѣтѣи ѡ гѣа гѣа .

прѣ
 и слыши мѣтѣ

Образец одного из почерков XV века с вычурными начертаниями отдельных букв. Рукопись XV века.

Государственный Исторический музей, из б. Епархиального собрания № 86, лист 83 об.

